

A movie poster for the Russian film 'Don't Wake Me Up as a Countess'. The poster features three main characters in 19th-century period clothing. In the foreground, a man with dark, wavy hair and a light beard, wearing a black coat over a white cravat, leans his head against a woman. The woman has dark hair styled in an updo and is wearing a light blue, off-the-shoulder dress with lace detailing. She looks off to the side with a soft expression. In the background, another woman with blonde hair, wearing a dark red, off-the-shoulder dress, stands looking towards the camera. The setting is an outdoor garden with a large, ornate stone building in the background under a blue sky with scattered clouds. The title is written in elegant, golden script at the bottom, and the actress's name is at the top.

Настя Шагина

Не буди во мне
графиню

Настя Шагина

Не буди во мне графиню

«Автор»

2026

Шагина Н.

Не буди во мне графиню / Н. Шагина — «Автор», 2026

Я выпила флакон снотворного в ночь после свадьбы. По крайней мере, так мне сказали. Доктор констатировал смерть, служанки начали молиться - а потом юная графиня открыла глаза. Только это была уже не она. Я помню машины, электрический свет и свою прежнюю жизнь. Но я не помню мужа, за которого меня выдали. Не помню отца, продавшего меня ради земли. Не помню, почему настоящая Элизабет предпочла смерть. Граф Ричард Меллингтон мне не верит. Он женился ради земли, а получил жену, которая не помнит его имени и не умеет держать вилку. Помогать он мне не собирается — но и опозорить своё имя не позволит. Смогу ли я доказать новоиспеченному мужу, что я не сумасбродная девица, и не сесть в лужу перед глазами высшего общества, которое жаждет посмотреть, как меня проглатывает питон в виде женщины из прошлого моего супруга?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Настя Шагина

Не буди во мне графиню

Глава 1

Первое, что я почувствовала – это запах.

Не запах моей квартиры, где пахло кофе и стиральным порошком. И не запах больницы, с её стерильным спиртом и хлоркой. Это была тяжёлая, приторная смесь: воск, ладан, чужие духи и... что-то кислое, отдающее металлом и болезнью. Этот запах давил на грудь, не давая сделать вдох.

Я попыталась открыть глаза, но веки казались налитыми свинцом. Где-то рядом раздавались приглушённые рыдания. Женские голоса, всхлипывания, шелест тяжёлых тканей.

– Бедная госпожа... – прошептал кто-то сквозь слёзы. – Такая юная... Что же теперь будет? *Госпожа?* – вяло подумала я. Кто в наше время говорит «госпожа»?

Я попыталась пошевелить пальцами. Рука слушалась плохо, словно чужая. Язык прилип к небу, во рту стоял горький, вязкий привкус. Казалось, я выпила литр сиропа от кашля, а сверху закусилась полынью. В голове гудело, как в трансформаторной будке.

– Доктор, она не дышит! – воскликнул другой голос, более молодой и испуганный.

– Дайте мне взглянуть, – произнёс мужской голос, сухой и резкий.

Я почувствовала, как чужие пальцы хватают меня за запястье, ища пульс. Прикосновение было холодным. Затем шершавая ладонь легла мне на лоб.

– Зрачки не реагируют, – пробормотал мужчина. – Пульс отсутствует... Дыхания нет. Констатирую смерть.

Смерть?

Паника ледяной волной накрыла меня изнутри. *Они думают, что я мертва? Я что, лежу в морге? Или это... мои похороны?*

Адреналин сделал то, чего не смогли сделать мои мышцы. Я судорожно втянула воздух, и горло обожгло болью, словно я дышала через трубочку с песком. Глаза распахнулись сами собой.

Первое, что я увидела – высокий сводчатый потолок с лепниной. Не современный натяжной, а настоящий, вычурный, с позолотой. Свечи. Много свечей в канделябрах. И лица. Бледные, заплаканные лица женщин в длинных тёмных платьях и белых фартуках. Выглядят как служанки в фильмах про старину.

– О-о-ох! – взвизгнула одна из них, отшатываясь. – Госпожа дышит! Она жива!

Доктор, пожилой мужчина в странном сюртуке с высоким воротником, отпрянул от меня, словно его ударило током. Его глаза расширились.

– Невозможно, – прошептал он. – Я сам слышал, как остановилось её сердце.

Я попыталась приподняться, но тело не слушалось. Оно было тяжёлым, как чужая шуба, набитая камнями. Я посмотрела на свои руки. Это были не мои руки. Тонкие, бледные пальцы, холёные ногти. На безымянном пальце – тяжёлое кольцо с тёмным камнем. Я носила кроссовки и джинсы, а не кружева и шёлк.

– Где я? – хотела спросить я, но из пересохшего горла вырвался лишь хрип.

В комнате началась суета. Служанки заметались, запричитали ещё громче. Доктор схватил свой саквояж и начал рыться в нём, бормоча что-то про «чудо» и «летаргический сон».

Я смотрела на них и чувствовала, как нарастает ужас. Я не понимала, где нахожусь. Всё вокруг было чужим и неправильным. Свечи, лепнина, длинные платья, этот запах... Может, я всё ещё сплю? Может, это бред? Но боль в горле была слишком реальной.

Дверь в комнату с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

– Что здесь происходит?! – рявкнул мужской голос. Он был полон такой ярости, что рыдания служанок мгновенно смолкли, сменившись испуганной тишиной.

В комнату вошёл мужчина. Высокий, широкоплечий. На нём была несовременная одежда: тёмный сюртук, жилет с золотой цепочкой часов и белоснежный галстук, повязанный сложным узлом. Такую одежду я видела разве что на картинках или в театральных постановках. Лицо – красивое, но искажённое гневом. Тёмные волосы, тёмные глаза, которые сейчас метали молнии.

Он посмотрел на доктора, потом на служанок, и, наконец, его взгляд упал на меня.

Я лежала, не в силах пошевелиться, и смотрела на него снизу вверх. В его глазах не было ни капли радости от того, что я «ожила». Было что-то другое. Раздражение. И глубокая, выматывающая усталость.

– Итак, – процедил он сквозь зубы, подходя к кровати. – Вы всё-таки решили открыть глаза, госпожа Элизабет?

Госпожа Элизабет? Я молчала, не в силах вымолвить ни слова. Это имя было мне чужим.

Мужчина наклонился надо мной. От него пахло табаком и одеколоном. Его лицо было так близко, что я видела, как дёргается жилка у него на виске. Он был в ярости. Настоящей, кипящей ярости.

– Вы довольны собой? – прошипел он. – Мало вам того, что вы опозорили семью перед обществом? Вы решили устроить этот спектакль?

Я моргнула, пытаюсь понять, о чём он говорит. Спектакль?

– Что... – прохрипела я.

– Не стройте из себя невинную овечку! – рявкнул он, выпрямляясь. Он подошёл к туалетному столику и схватил что-то. Пустой флакон из тёмного стекла. Он швырнул его на кровать рядом со мной. Стекло звякнуло. – Целый флакон лаунданума! Вы хотели свести счёты с жизнью, чтобы досадить мне? Или вы просто сошли с ума?

Лаунданум? Я не знала, что это. Слово было чужим, как и всё вокруг. Я перевела взгляд с флакона на мужчину. Он смотрел на меня с отвращением и гневом, ожидая ответа.

Но у меня не было ответа. Потому что я понятия не имела, кто этот человек. Кто такая Элизабет. И почему я, обычная девушка, лежу в этой постели, пытаюсь не захлебнуться воздухом, который пахнет чужим кошмаром.

Я попыталась сглотнуть, но в горле снова вспыхнула боль. Я смотрела в глаза этому незнакомцу и понимала только одно: моя прежняя жизнь только что закончилась. А новая началась с обвинения в попытке самоубийства.

Глава 2

– Не хотели? – переспросил он, и его губы искривились в усмешке, в которой не было ни капли веселья. – Разумеется, вы не хотели. Вы вообще ничего не хотели с самого начала. Вы стояли у алтаря с таким лицом, будто вас ведут на плаху, а не под венец. Вы смотрели на меня как на палача. Вы дрожали, когда я надевал вам кольцо. Вы не сказали ни слова за весь ужин, только смотрели в тарелку, и все гости шептались, что юная графиня, кажется, вот-вот упадёт в обморок.

Он говорил быстро, отрывисто, расхаживая по комнате. Свечи отбрасывали его тень на стены, и тень металась, как зверь в клетке.

– Любая другая на вашем месте отдала бы всё на свете за этот титул! – продолжал он, резко обернувшись ко мне. – Дочь мелкого помещика, без связей – и вдруг становится графиней! Это же сказка! Чудо! Но вам, видите ли, этого мало. Вам нужно было устроить спектакль. Показать всем, как вы страдаете. Как вам противен этот брак. Как вам противен я.

Я лежала, вжавшись в подушки, и пыталась дышать. Горло всё ещё жгло, голова кружилась, но теперь к этому добавилось новое чувство – ледяное, медленно расплзающееся по позвоночнику. Чувство нереальности.

Графиня. Титул. Венец. Алтарь.

Слова были знакомыми, но складывались в какую-то чужую, невозможную картину.

– Я не... – начала я, но он не дал мне договорить.

– Молчите! – рявкнул он, и я вздрогнула. – Вы уже достаточно наговорили. Вернее, промолчали. Вы хотели, чтобы все видели, как вы несчастны? Что ж, вы добились своего. Весь свет теперь будет судачить о том, как графиня Мейлингтон едва не лишилась чувств у алтаря.

Он снова схватил пустой флакон и потряс им перед моим лицом.

– Лаунданум! Целый флакон! Вы хотели умереть, лишь бы не быть моей женой? Или вы хотели, чтобы я нашёл вас мёртвой и мучился до конца своих дней? Что это было, Элизабет? Признание? Месть? Безумие?

Элизабет. Это имя снова резануло слух. Он называл меня чужим именем. Но я уже начала понимать – или, вернее, отчаянно пыталась не понимать, – что, возможно, это имя теперь моё. Что я – это она. Та, кем я никогда не была.

– Я не помню, – прошептала я. Это была правда. Я не помнила ни свадьбы, ни алтаря, ни его лица. Я не помнила, как выпила лаунданум. Я вообще ничего не помнила из жизни этой женщины. Я помнила только свою жизнь – но она была где-то далеко, как чужой сон.

Он остановился. Посмотрел на меня внимательно, прищурившись.

– Не помните? – переспросил он с горькой иронией. – Разумеется, не помните. Вы, наверное, и меня не помните? И то, как давали клятвы у алтаря? И как ваш отец вложил вашу руку в мою, умоляя меня заботиться о вас?

Я молчала. В голове было пусто и гулко.

– Я так и знал, – сказал он, и в его голосе вдруг мелькнула усталость, такая глубокая, что на мгновение его ярость показалась мне маской. – Вы брака со мной не хотели. С самого первого дня. Я думал, что это лишь ваша юношеская блажь, и ближе к нашей свадьбе вы поймёте, что вам пора повзрослеть... Но вы предпочли смерть.

Он бросил флакон на туалетный столик. Стекло звякнуло, но не разбилось.

– Как вы вообще здесь оказались? – спросила я, и голос мой был хриплым, чужим.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

– Здесь? В этой комнате? Вы живёте здесь с сегодняшнего дня. Это ваша спальня. Наша спальня, вообще-то, но вы потребовали отдельную. Я не стал спорить. Я вообще перестал с вами спорить для того, чтобы вы не устроили сцену в церкви.

В церкви. Значит, венчание было в церкви. Значит, это действительно другой мир. Или другое время. Или...

Я попыталась сесть. Тело слушалось плохо, но я всё же приподнялась на локтях. Голова закружилась, перед глазами поплыли тёмные пятна. Служанки, стоявшие у стены, бросились ко мне, залопотали что-то, пытаюсь уложить обратно.

– Госпожа, вам нельзя вставать! – воскликнула одна из них, та, что постарше. – Доктор сказал, вам нужен покой!

– Доктор, – повторила я, цепляясь за это слово. – Он... он сказал, что я умерла?

Служанки переглянулись. Лица у них были испуганные, бледные.

– Мы пришли, чтобы... чтобы помочь вам подготовиться к ночи, госпожа, – запинаясь, сказала старшая. – Как полагается. После свадьбы. Мы постучали, но вы не ответили. Мы подождали, потом вошли. А вы лежите на полу. Без сознания. Мы сначала подумали, что вы просто... ну, упали в обморок. Но вы не дышали. И пульса не было. Мы испугались, я побежала за доктором. Он пришёл, осмотрел вас и сказал... – она осеклась, не решаясь произнести это вслух.

– Что я умерла, – закончила я за неё.

Она кивнула, и в её глазах снова блеснули слёзы.

– Мы уже начали молиться, госпожа. Мы думали, что вы... что вы нарочно. Из-за того, что не хотели этого брака. Все же видели, как вы...

– Довольно, – резко оборвал её граф. – Оставьте нас.

Служанки торопливо поклонились и выскользнули из комнаты, прикрыв за собой дверь. Мы остались одни. Я – на кровати, слабая, растерянная, в чужом теле. Он – стоящий посреди комнаты, сжав руки в кулаки, смотрящий на меня так, словно я была головоломкой, которую он не мог решить.

– Значит, вы не помните, – сказал он тихо. – Ничего не помните.

– Нет, – ответила я. – Я не помню ни вас, ни свадьбы, ни... ничего.

Он долго молчал. Потом подошёл к кровати и сел на край. Матрас прогнулся под его весом. Я почувствовала запах табака и одеколона – резкий, незнакомый.

– Вы хотите сказать, что после того, как вы выпили лаунданум, вы потеряли память? – спросил он, глядя на меня в упор.

– Я не знаю, – честно сказала я. – Я не знаю, что произошло. Я просто... очнулась здесь. В этой комнате. В этом теле. И я не понимаю, где я и кто вы.

Он усмехнулся, но в этот раз в усмешке было что-то другое. Не гнев, а горькое любопытство.

– Это очень удобно, – сказал он. – Притвориться, что ничего не помнишь. Чтобы избежать объяснений.

– Я не притворяюсь.

– Тогда, может, вы скажете мне, как вас зовут? – спросил он. – Ваше полное имя?

Я открыла рот, чтобы ответить. И поняла, что не знаю. Я не знала, как звали эту женщину. Только имя – Элизабет. Но это было не моё имя. Моё имя было... Моё имя... Я попыталась вспомнить своё настоящее имя и не смогла. Оно было словно стёрто. Я помнила свою жизнь, свои чувства, свои мысли, но имя... имя исчезло.

– Я не помню, – прошептала я, и на этот раз в моём голосе прозвучал настоящий страх.

Граф смотрел на меня долго. Очень долго. В его глазах что-то менялось – гнев уступал место сомнению, сомнение – чему-то похожему на тревогу.

– Элизабет, – сказал он наконец. – Вас зовут Элизабет. Элизабет Роуэн. Теперь – графиня Меллингтон. Моя жена.

Моя жена.

Эти два слова упали в тишину, как камни в воду. Я смотрела на него и чувствовала, как последняя надежда на то, что это сон, что это бред, что это ошибка, – рассыпается в прах.

Это не сон. Это не бред. Это не ошибка.

Я в другом мире. В чужом теле. Замужем за незнакомым мужчиной, который только что обвинил меня в попытке самоубийства.

И я не знаю, как вернуться назад.

– Я... – начала я, но голос сорвался.

Он встал. Посмотрел на меня сверху вниз – долгим, тяжёлым взглядом.

– Отдыхайте, – сказал он сухо. – Утром пришлю к вам горничную. И доктора. Пусть осмотрит вас ещё раз. Может быть, он объяснит, что с вами произошло.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

– Я не знаю, что вы задумали, Элизабет, – сказал он, не оборачиваясь. – Может быть, вы действительно потеряли память. Может быть, вы играете. Но запомните одно: вы – моя жена. Графиня Меллингтон. И я не позволю вам опозорить моё имя. Ни смертью, ни безумием, ни побегом. Вы поняли?

Я не ответила. Просто смотрела на его спину, на то, как напряжены его плечи, на то, как его рука сжимает дверную ручку.

– Я задал вопрос, – сказал он, и в голосе снова зазвучала сталь.

– Поняла, – прошептала я.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Щёлкнул замок – или мне это только показалось.

Я осталась одна. В комнате, освещённой свечами. В чужом теле. В чужой жизни. С чужим именем.

Я медленно подняла руку и посмотрела на кольцо с тёмным камнем. Оно было тяжёлым. Настоящим. Как и всё вокруг.

Значит, это правда. Я действительно здесь. Я действительно она. И я не знаю, как это произошло.

Я закрыла глаза. В голове проносились обрывки мыслей – панических, бессвязных. Может, я умерла? Может, это загробная жизнь? Может, это переселение душ? Может, это сон, из которого я не могу проснуться?

Но тело болело. Горло жгло. Сердце колотилось. Всё было слишком реальным, чтобы быть сном.

Я открыла глаза и посмотрела на потолок с лепниной. Свечи тихо потрескивали. Где-то за окном, за плотными шторами, шумел дождь.

Кто ты, Элизабет Роуэн? – подумала я. И почему я оказалась в твоём теле?

Ответа не было. Только тишина. И запах воска. И чужое кольцо на пальце.

Я с трудом повернулась на бок, подтянула колени к груди и обхватила их руками. Так, наверное, делают дети, когда боятся. Я не знала, что будет дальше. Не знала, как жить в этом мире. Не знала, как вернуться домой.

Но я знала одно: я жива. И, судя по всему, теперь мне придётся жить здесь. В чужом теле. В чужом мире. С чужим мужем.

Глава 3

Я проснулась оттого, что кто-то отодвинул штору.

Серый утренний свет хлынул в комнату, и я зажмурилась, вжавшись лицом в подушку. Подушка пахла лавандой и чужим домом. Не моим. Я лежала неподвижно, с закрытыми глазами, и отчаянно, до боли в висках, пыталась убедить себя, что сейчас открою глаза и увижу свой потолок. Обычный, белый, с маленькой трещинкой в углу. Услышу шум машин за окном. Почую кофе.

Я открыла глаза.

Надо мной нависал сводчатый потолок с лепниной и позолотой. В углу тихо потрескивала свеча в канделябре – её забыли погасить. За окном шумел дождь, и этот звук был единственным, что казалось знакомым.

Значит, не сон.

Я медленно села. Голова закружилась, к горлу подкатила тошнота. Тело было ватным, чужим. Я посмотрела на руки – тонкие пальцы, тяжёлое кольцо с тёмным камнем. Всё на месте. Всё так же неправильно.

– Доброе утро, госпожа, – раздался тихий голос.

Я вздрогнула и обернулась. У окна стояла молодая служанка – та самая, испуганная, с заплаканными глазами. Она держала поднос с чашкой. Пар поднимался над чашкой, и в воздухе пахло мятой и чем-то горьким.

– Доктор придёт через час, – сказала служанка, осторожно ставя поднос на столик у кровати. – Он велел дать вам это, как только проснётесь. Чтобы успокоить нервы.

Я посмотрела на чашку. Отвар. В этом мире лечат отварами.

– Как вас зовут? – спросила я. Голос был хриплым, но уже не таким сорванным, как ночью.

Служанка замаялась, будто вопрос был странным.

– Мэри, госпожа. Я... я прислуживаю вам с самого приезда.

– Мэри, – повторила я. – А... где я? В каком городе? В какой стране?

Мэри посмотрела на меня с таким ужасом, что я поняла: вопрос прозвучал как безумие.

– В Велларии, госпожа, – прошептала она. – В поместье графа Меллингтона. Вы... вы не помните?

Я не ответила. Взяла чашку и сделала глоток. Горько. Травянисто. Но горло, изожжённое лаунданумом, отозвалось благодарностью.

Веллария. Граф Меллингтон. Значит, это не просто другой мир. Это другая страна. Другая эпоха. Или... что-то ещё.

Через час пришёл доктор. Тот самый, с саквояжем и высоким воротником. Он осмотрел меня – пощупал пульс, заглянул в глаза, попросил показать язык, – и всё это с таким лицом, будто перед ним было не чудо, а научная загадка, которую ему не терпелось разгадать.

– Что такое лаунданум? – спросила я, когда он закончил.

Доктор поднял брови.

– Вы не знаете?

– Не знаю.

Он вздохнул и сложил руки на груди.

– Лаунданум – это настойка опия. Сильнейшее снотворное и обезболивающее. В малых дозах – лекарство. В больших – яд. Вы, госпожа, выпили целый флакон. Этого достаточно, чтобы остановить дыхание и сердце у здорового мужчины. А вы – хрупкая молодая женщина.

Он помолчал, глядя на меня внимательно.

– Я не понимаю, как вы выжили. Я сам слышал, как остановилось ваше сердце. Я констатировал смерть. А через несколько минут вы открыли глаза. Это... – он покачал головой, – это необъяснимо. Я не верю в чудеса, госпожа. И, упаси Свидетель, не хочу верить. Но другого объяснения у меня нет.

– Может, вы ошиблись? – тихо спросила я. – Может, я не умирала?

– Ошибся? – Доктор посмотрел на меня почти обиженно. – Я тридцать лет практикую. Я знаю, когда человек мёртв. – Он помолчал и добавил уже мягче: – Я рекомендую вам провести несколько дней в постели. Пейте лёгкие бульоны, не вставайте без нужды, избегайте волнений. И, ради всего святого, госпожа, оставьте попытки покончить с собой. Второй раз может не повезти.

Он ушёл, оставив меня наедине с мыслями. Я лежала и смотрела в потолок. Значит, лаунданум – это опий. Элизабет выпила целый флакон. Умерла. А потом... что? Я оказалась в её теле? Или её тело ожило, а я – это она? Но я помню свою жизнь. Другую жизнь. Другой мир. Другое время.

Где ты сейчас, Элизабет Роуэн? – подумала я. – Умерла по-настоящему? Или ты всё ещё здесь, где-то глубоко, и я просто заняла твой место?

Ответа не было.

Граф пришёл после полудня. Он вошёл без стука, и от одного его вида – высокого, тёмного, с этим несовременным сюртуком и тяжёлым взглядом – у меня сжалось горло. Он не сел. Остановился у окна, сложив руки за спиной, и посмотрел на меня сверху вниз, как на провинившуюся горничную.

– Доктор сказал, что вы поправитесь, – произнёс он ровно. – Через несколько дней будете на ногах. Это... радует.

По его тону нельзя было сказать, что это его действительно радует.

– Он сказал, что я умерла, – сказала я. – А потом ожила. Вы в это верите?

Он помолчал. Потом усмехнулся – коротко, без веселья.

– Я верю в то, что вижу. Я видел вас у алтаря. Я видел вас за ужином, бледную как полотно. Я видел этот флакон. А вчера ночью я видел, как вы смотрите на меня так, будто впервые. – Он подошёл ближе. – Вы говорите, что потеряли память. Может быть, и так. Но я не верю, что вы не помните, как не хотели этого брака.

Я промолчала. Что я могла сказать? Я действительно не помнила.

– Хотите, я вам напомню, как это было? – спросил он вдруг. – Почему я вообще на вас женился?

Я медленно кивнула.

Он отошёл к туалетному столику и взял в руки пустой флакон. Покрутил его в пальцах.

– Мне нужна была земля, – начал он. – Та, что за восточным лесом. Через неё лежит единственный путь из моего графства к морю. Без этого пути мои земли беспечно простаивают, мои люди не могут торговать тем, что она производит, ведь сухопутные пути – это месяцы в дороге, а торговля с другими странами становится и вовсе непростой задачей. Я пришёл к вашему отцу с предложением. Он отказался продавать.

Граф помолчал, глядя на флакон.

– Тогда я предложил ему больше денег. Он снова отказался. Я предложил вдвое больше. Он сказал, что эта земля – не товар. Я спросил, чего он хочет. И он ответил: чтобы вы стали моей женой. Земля пойдёт в приданое. Другого способа получить её нет.

Он поставил флакон и обернулся ко мне.

– Я согласился, – сказал он тихо. – Не потому, что хотел жениться. А потому, что не видел другого выхода. Ваш отец знал это. Он всё рассчитал.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается. Значит, вот как это было. Не любовь, не страсть, не даже простое желание взять в жёны дочь разорившегося помещика. Сделка. Земля. Море.

– А я? – спросила я. – Я не хотела?

Граф усмехнулся – на этот раз горько.

– Вы не сказали мне этого в лицо, Элизабет. Вы вообще ничего мне не сказали. Но ваш отец передал мне ваши слова. Вы сказали ему, что у вас есть любимый человек. Что вы никогда не выйдете за меня. Что я для вас – палач, который отнимает у вас жизнь.

Он смотрел на меня, и в его глазах была не только ярость. Была усталость. И что-то ещё – похожее на обиду, которую он сам себе не прощал.

– Я думал, вы со временем смиритесь, – сказал он тихо. – Я думал, что смогу... что у нас получится вполне нормальный брак... Но вы предпочли лаунданум.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Элизабет любила другого. Элизабет называла этого человека палачом. Элизабет выпила яд, чтобы не быть его женой.

И теперь я сижу здесь, в её теле, и он смотрит на меня так, будто я – это она. Будто я во всём виновата.

– Я не помню этого, – сказала я. – Я не помню ни любимого, ни слов, ни вашего отца... то есть, моего отца. Я не помню ничего.

– Знаю, – ответил он. – Вы уже говорили.

Он подошёл к двери и взялся за ручку. На этот раз он обернулся.

– Я не палач, Элизабет, – сказал он. – Хотя вы, возможно, никогда в это не поверите. Я не хотел вам зла. Я хотел землю. А получил жену, которая меня ненавидит. – Он помолчал. – Отдыхайте. Мэри принесёт вам бульон.

Он вышел.

Я осталась одна. В комнате, где пахло лавандой и воском. В теле женщины, которая меня ненавидела – или которая умерла, оставив мне своё имя, свой титул и своего мужа.

У неё был любимый, – подумала я. – Где он сейчас? Что он чувствует? И что мне теперь делать?

Я закрыла глаза. Где-то в доме тихо звякала посуда. Жизнь продолжалась – чужая, непонятная, не моя.

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

Ладно. Если я застряла здесь, надо хотя бы понять, где я. Кто я. И как отсюда выбраться.

Глава 4

Граф ушёл, и я ещё долго лежала, глядя в потолок. В голове было пусто и гулко. *Элизабет Роуэн. Графиня Меллингтон. Веллария.* Слова, которые ничего для меня не значили.

За окном стемнело. Дождь прекратился, и в комнате стало тихо – так тихо, что я слышала, как потрескивают свечи и как где-то в глубине дома ходит маятник. Я осторожно села. Голова закружилась, но не сильно. Ноги, когда я опустила их на пол, оказались холодными и слабыми, но держали.

Дверь тихо скрипнула. Вошла Мэри с подносом – на этот раз с бульоном и ломтем хлеба.

– Госпожа, вы сидите! – всплеснула она руками. – Доктор сказал, вам нельзя...

– Доктор сказал, что можно до окна, – соврала я. – Помогите мне.

Она помогла. Мы дошли до окна – медленно, шаг за шагом, – и я оперлась на подоконник. За стеклом был сад. Серый, мокрый, унылый. Деревья стояли голые, ветки чёрными трещинами чертили небо. Дорожки были усыпаны мокрыми листьями, а дальше, за деревьями, виднелась крыша другой постройки и смутные очертания холмов в тумане.

– Какой сегодня день? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

– Четверг, госпожа.

– А месяц?

Мэри замялась, будто вопрос был странным, но ответила:

– Ноябрь, госпожа. Поздняя осень.

Ноябрь. Поздняя осень.

– А свадьба... – начала я и остановилась. – Давно это было?

Мэри посмотрела на меня с тревогой.

– Вчера, госпожа. Вы... вы правда ничего не помните?

Вчера. Я медленно выдохнула. Значит, всё это – свадьба, ужин, флакон лаунданума, смерть и пробуждение – случилось вчера. А сегодня утром я открыла глаза в чужом теле и в чужой жизни.

– Ничего, – честно сказала я. – Как будто всё стёрли. Просто пустота.

Это было не совсем правдой, но объяснять правду было слишком сложно. Что я могла сказать? *Я не Элизабет. Я из другого мира. Я не знаю, как здесь оказалась.* Мэри решила бы, что я сошла с ума. И, возможно, была бы права.

Мы медленно пошли обратно к кровати. Я оперлась на её руку и смотрела под ноги – на тёмный паркет, на ковёр с вытертым узором. Чужие ноги, чужие шаги.

– А как зовут графа? – спросила я, когда мы дошли. – Его полное имя?

– Ричард Меллингтон, госпожа. Граф Меллингтон.

– А он... давно здесь живёт? В этом поместье?

– Всю жизнь, госпожа. Это родовое гнездо Меллингтонов. Ему принадлежат земли отсюда и до восточного леса. А за лесом – уже другие владения.

Я села на кровать, чувствуя, как от ходьбы кружится голова. *Ричард Меллингтон. Родовое гнездо. Земли до восточного леса.* Крупицы информации, которые нужно было собрать воедино.

– А где мы находимся? – спросила я. – Если смотреть на карту?

Мэри нахмурилась, но ответила:

– Почти в центре Велларии, госпожа. До столицы – день пути на лошадах. Может, чуть больше. Люмен к северу отсюда, за холмами.

Люмен. Столица. День пути на лошадах. Значит, мы не в глуши. Значит, здесь есть люди, города, дороги. И, возможно, ответы.

– Спасибо, Мэри, – сказала я.

Она кивнула и вышла, унося пустую чашку. Я осталась одна.

Итак, что я знаю? Я в Веллариш. В поместье графа Ричарда Меллингтона. Мы почти в центре страны, недалеко от столицы. Сейчас поздняя осень, ноябрь. Вчера Элизабет вышла замуж, выпила лаунданум и умерла. А сегодня утром я открыла глаза в её теле.

Я посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, кольцо с тёмным камнем. Чужие руки. Чужая жизнь.

И я даже не знаю, с чего начать.

Глава 5

На следующее утро пришёл доктор. Он осмотрел меня – уже привычно, без удивления, – и на этот раз лицо у него было почти довольным.

– Пульс ровнее, – сказал он, убирая пальцы с моего запястья. – Дыхание чистое. Глаза реагируют как положено. Что ж, госпожа, могу разрешить вам вставать. Если почувствуете силы – можете даже спуститься к ужину. Лёгкому, – подчеркнул он. – Бульон, немного хлеба, возможно, варёная курица. Никакого вина, никаких пряностей. И не переутомляйтесь.

Он ушёл. Я осталась сидеть на кровати, глядя на окно. За стеклом было серо, но дождь прекратился. Сад выглядел чуть менее унылым, чем вчера.

Спуститься к ужину. К нему. К графу.

От одной этой мысли внутри всё сжималось. Но сидеть в этой комнате, в четырёх стенах, с чужими мыслями и чужими воспоминаниями, было невыносимо. Мне нужно было увидеть дом. Услышать разговоры. Понять, как здесь живут.

К вечеру я почувствовала, что действительно могу встать. Мэри помогла мне одеться – в тёмное платье, простое, без кружев. Я посмотрела на себя в зеркало. Бледное лицо, тёмные волосы, чужое отражение. Я отвела взгляд.

Столовая оказалась большой, с высоким потолком и длинным столом, за которым могли бы уместиться человек двадцать. Сейчас на нём было накрыто только два прибора – в противоположных концах. Граф уже сидел. Увидев меня, он поднялся – коротко, почти незаметно, – и снова сел.

– Доктор сказал, что вам лучше, – произнёс он ровно.

– Да, – ответила я. – Спасибо.

Я села на своё место. Передо мной стояла тарелка с бульоном, ломоть хлеба, кувшин с водой. И приборы. Много приборов. Ножи, вилки, ложки – некоторые я узнавала, некоторые нет. Я смотрела на них и чувствовала, как холодеют пальцы.

Что из этого чем едят?

Граф взял свою ложку. Я взяла свою – и едва не уронила, потому что рука дрожала.

– Вы в порядке? – спросил он, не поднимая глаз от тарелки.

– Да. Просто... – Я положила ложку обратно. – Я не помню.

Он посмотрел на меня.

– Что не помните?

– Ничего, – сказала я. – Я не помню, как вести себя за столом. Какие приборы брать. Что говорить. Как... – Я замолчала, чувствуя, как краска заливает лицо. – Я не помню манер. Совсем.

Граф отложил ложку. Смотрел на меня долго, внимательно. В его глазах не было насмешки – скорее что-то похожее на усталое любопытство.

– Вы серьёзно? – спросил он.

– Серьёзно.

Он помолчал. Потом вздохнул – тихо, почти неслышно.

– Вилка слева, нож справа, – сказал он коротко, кивнув на приборы. – Ложка для супа. Остальное – по ходу. Если что-то подадут и вы не будете знать, что с этим делать, – не берите. Никто не умрёт, если вы пропустите одно блюдо.

Я кивнула. Взяла ложку – правильно, как он показал, – и попробовала бульон. Он был тёплым и почти безвкусным, но горло отозвалось благодарностью.

Некоторое время мы ели молча. Я старалась не смотреть на него, но чувствовала его взгляд – редкий, осторожный, будто он проверял, не сделаю ли я что-нибудь странное.

– Я должна кое-что рассказать вам, – сказала я наконец, отложив ложку. – О том, что я помню. Или, вернее, чего не помню.

Граф поднял брови, но не перебил.

– Я помню... сон, – начала я. – Станный сон. Будто я – другой человек. В другом мире. Там были... – Я запнулась, подбирая слова. – Высокие дома. Машины. Свет, который зажигался без огня. Люди, которые говорили по-другому. Я жила там. У меня была... своя жизнь. Свои мысли. Своё имя.

Я посмотрела на него. Он слушал, и лицо у него было непроницаемым.

– Возможно, это лекарство, – сказала я. – Лаунданум. Возможно, он вызвал эти видения. Но ощущение такое... – Я замолчала, пытаюсь найти слова. – Такое, будто я действительно прожила ту жизнь. Долго. Годами. И помню её – частично. Обрывками. Но помню.

Граф откинулся на спинку стула. Смотрел на меня с сомнением – не злым, а усталым.

– Вы хотите сказать, что помните чужую жизнь, но не помните свою? – спросил он.

– Да.

– И вы утверждаете, что так на вас повлиял лаунданум?

– Не знаю. Может быть.

Он помолчал. Потом медленно покачал головой.

– Я слышал о том, что опий может вызывать видения, – сказал он. – Но не такие. Не... – Он обвёл рукой воздух, будто искал слово. – Не целые жизни. Это звучит как безумие, Элизабет.

– Я знаю, – тихо сказала я. – Но это правда.

Он смотрел на меня долго. В его глазах боролись недоверие и что-то ещё – возможно, жалость. Или надежда, что я всё-таки играю, и всё это можно объяснить проще.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Допустим. Допустим, вы помните чужую жизнь. Но тогда... – Он подался вперёд. – Что вы помните о своей? О том, что было до того, как вы выпили настойку?

Я опустила глаза.

– Ничего, – призналась я. – Совсем ничего. Ни детства, ни отца, ни... вас. Всё, что было до настойки, – как чистая страница. Я знаю только то, что мне рассказали. Мэри. Доктор. Вы.

Граф молчал. Я слышала, как тикают часы где-то в глубине дома. Как потрескивают свечи. Как тихо звенит посуда под руками слуг.

– Я не помню, как есть, – сказала я, кивнув на приборы. – Как говорить. Как вести себя. Я не знаю, что здесь принято, а что нет. И я... – Я запнулась. – Я прошу вас. Помогите мне. Хотя бы немного. Пока я не вспомню. Или пока не научусь заново.

Граф смотрел на меня. Долго. Очень долго. Потом медленно покачал головой.

– Я уже сказал вам про вилку и нож, – произнёс он сухо. – Этого достаточно на сегодня. Остальное... – Он помолчал. – Остальное придёт само. Или не придёт. Я не учитель, Элизабет, и не нянька. У меня есть дела поважнее, чем объяснять взрослой женщине, как держать ложку.

Он поднялся из-за стола.

– И ещё, – добавил он, глядя на меня сверху вниз. – Всё это... – Он обвёл рукой воздух. – Ваш сон. Чужая жизнь. Потерянная память. Выглядит очень странно. Слишком странно, чтобы быть правдой. Я не знаю, что с вами произошло и что вы задумали, но я не собираюсь делать вид, что верю в рассказы о других мирах.

– Я не жду, что вы поверите, – тихо сказала я. – Я просто хочу, чтобы вы знали. На тот случай, если... если я что-то сделаю не так.

– Не так? – Он усмехнулся без веселья. – Вы уже сделали «не так». Два дня назад. Когда выпили целый флакон лаунданума.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

– До ужина вы спустились без приключений, – сказал он, не оборачиваясь. – Завтра попробуйте так же. Если что-то будет непонятно – спросите у Мэри.

И вышел.

Я осталась одна за длинным столом, перед остывшим бульоном и множеством приборов, назначения которых не знала. Свечи тихо потрескивали. Где-то в глубине дома ходили слуги.

Что ж, – подумала я. – По крайней мере, он не соврал. Он действительно не верит.

Я взяла ложку и доела бульон. Потом встала, аккуратно отодвинув стул, и пошла к двери – медленно, держась за стену. Ноги ещё были слабые. Но шли.

Глава 6

На следующее утро я проснулась сама, до того, как Мэри отодвинула штору. Лежала и слушала, как за окном возятся птицы – значит, дождь не идёт. Уже что-то.

Тело на этот раз слушалось лучше. Голова не кружилась, когда я села. Ноги, опущенные на пол, были холодными, но крепкими. Я дошла до окна без опоры на стену – медленно, но сама. За стеклом сад был всё таким же серым и голым, но в воздухе чувствовалась перемена: туман стал тоньше, и сквозь него проглядывало бледное, водянистое солнце.

– Госпожа, – Мэри появилась в дверях с платьем в руках и всплеснула руками, увидев меня у окна. – Вы уже встали! А я хотела помочь...

– Я сама, – сказала я. – Почти сама.

Она помогла мне одеться – на этот раз в тёмно-зелёное, тоже простое, но с чуть более высоким воротом. Причесала. Я смотрела в зеркало на чужое лицо и уже почти привыкла к нему. Почти.

– Мэри, – сказала я. – А что... что обычно делают за завтраком? Я имею в виду – о чём говорят? Как себя ведут?

Она замялась, будто вопрос был странным, но ответила:

– Как обычно, госпожа. Граф не любит, когда за столом много болтают. Но и молчать всё время не велит. Спрашивает о делах, о доме. – Она помолчала. – Вы раньше... редко с ним разговаривали. Совсем редко.

Раньше. Я кивнула. Значит, Элизабет молчала. Что ж, это хотя бы объясняло, почему он так удивлялся каждому моему слову.

В этот раз мы спустились не в большую столовую, а в меньшую комнату – с одним окном, камином и круглым столом на четыре персоны. Граф уже сидел. Перед ним стояла чашка, и в воздухе пахло чаем с лепестками роз и щепоткой соли – странный запах, но, как я уже поняла, здесь такой любили.

– Доброе утро, – сказал он, поднимая глаза. – Доктор будет доволен. Вы уже ходите без провожатых.

– Почти, – ответила я, садясь. – Держусь за стены.

Он коротко усмехнулся – почти незаметно – и вернулся к своей чашке.

Завтрак был простым: хлеб, масло, варёные яйца, тонкие ломтики холодного мяса. Я взяла вилку, вспомнила вчерашний урок, и на этот раз рука почти не дрожала. Граф наблюдал за мной краем глаза, но ничего не сказал.

Некоторое время мы ели молча. Я уже начала думать, что так всё и пройдёт – в тишине, под потрескивание камина, – когда он отставил чашку и заговорил.

– Нам нужно кое-что обсудить, – произнёс он ровно. – О том, что будет дальше.

Я подняла глаза.

– Я слушаю.

– У нас медовый месяц, – сказал он. – По здешним обычаям первую неделю после свадьбы молодожёнам позволено оставаться в доме наедине. Никаких визитов, никаких гостей. Время, чтобы... – он помолчал, подбирая слово, – привыкнуть друг к другу.

Привыкнуть друг к другу. Я едва не усмехнулась. С таким же успехом можно было привыкать к каменной стене.

– Но неделя заканчивается, – продолжал он. – И к её концу нам придётся начать выезжать. Принимать гостей. Наносить визиты. Иначе о нас пойдут разговоры, а разговоров я не люблю.

Я кивнула. Это было понятно. В любом мире, в любую эпоху люди судачили.

– И есть ещё одно обстоятельство, – сказал он. – Я получил уведомление. К нам собираются гости. Мадам Морифилд с супругом – она из старинного рода, с ней приходится счи-

таться. И с ней – две её приятельницы. – Он сделал паузу. – Они приедут в конце недели. Возможно, на несколько дней.

– Хорошо, – сказала я, хотя внутри всё сжалось. *Гости. Разговоры. Правила, которых я не знаю.*

– Хорошо? – переспросил он, приподняв бровь. – Вы даже не спросите, кто они?

– Я их не знаю, – ответила я. – Я ведь приехала сюда только после свадьбы. До этого мы с вами вообще не виделись. Так что мне всё равно придётся знакомиться. Как и с вами.

Он помолчал, глядя на меня. Потом кивнул – медленно, будто принимая к сведению.

– Мадам Морифилд – женщина острого ума и ещё более острого языка, – сказал он. – Она любит задавать вопросы. И запоминает ответы. С ней вам нужно быть осторожной.

– А с её приятельницами?

Он вдруг замолчал. Это было заметно – он не просто сделал паузу, а именно замолчал, будто наткнулся на что-то внутри себя. Поставил чашку. Посмотрел в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.